

П Р И Л О Ж Е Н И Е

МАКРОБИЙ
САТУРНАЛИИ
(КНИГА ВТОРАЯ)ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО И ГРЕЧЕСКОГО,
ПРИМЕЧАНИЯ И УКАЗАТЕЛИ В. Т. ЗВИРЕВИЧА

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Макробий – позднеантичный автор (V в. н. э.), от которого среди прочего дошло до нас довольно объемистое сочинение под названием «Сатурналии», написанное в жанре «философского пира». Традиция такого рода философских сочинений начинается с «Пиров» Ксенофонта и Платона (V–IV вв. до н. э.). В сравнении с произведениями, написанными в форме философского («сократического») диалога, создателями которой также были оба названных автора, использование сюжета пира давало больше возможностей привлечь внимание читателя: ибо какое застолье без беседы на самые разнообразные темы и шуток?!

Краткий очерк истории этого рода философских или, скорее, общекультурных сочинений читатель найдет в комментарии А. Ф. Лосева к «Пиру» Платона¹. Мы же обратим его внимание только на то, что Макробий, не скрывая того, пользовался материалами своих предшественников в этой части, например, Плутарха, и поэтому в «Сатурналиях» можно встретить соответствующие заимствования. В предисловии к своему труду, который он посвятил сыну Евстахию, Макробий писал: «И что бы ни было добыто мной... в различных свитках либо на греческом, либо на латинском языке, пусть это все будет тебе запасом знания и как бы [запасом] из неких закромов учености. В случае если бы когда-нибудь возникла нужда в бытописа-

---

¹ См.: ПЛАТОН. Сочинения. В 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 513–514.

нии (*historiae*)... или в припоминании замечательного высказывания или деяния, [все] это было бы тебе легко найти и позаимствовать» (*Macr. Sat. 1. Praef., 2*).

Вторая книга (фактически—глава в современном понимании) «Сатурналий» и являет нам пример как раз таких развлекательных бесед во время пира философов. В ней некоторые персонажи произведения передают остроты видных римлян прошлого и различные шуточные истории. В связи с этим стоит отметить, что понимание пиршественного веселья Макробий доводит, следуя традиции платонизма, до его высшего предела—веселья духовного, интеллектуального. Ведь на пирах, описанных Ксенофонтом и Платоном, философствующие сотрапезники веселятся собственно под воздействием вина, музыки, танца, выступлений актеров, то есть под воздействием чувственных восприятий. У Макробия же этого рода веселье заменено весельем от остроумия, острословия.

Таким образом, в сохранившемся виде вторая книга предстает перед нами в следующей композиции: в вводной части развлечения на основе «игры чувств» противопоставляется веселье от «игры ума»; в основной части книги приводятся сами шутки, а в заключительной части автор обращается к рассмотрению чувственных наслаждений и дает их критику с точки зрения нравственности.

В структуре же «Сатурналий» в целом вторая книга может рассматриваться как своего рода интермедия в спектакле. Дело в том, что «серьзная» по содержанию первая книга завершается постановкой вопроса об авторитете Вергилия в различных областях знания. Но обсуждение этой темы не получает продолжения, так как беседующие отправились обедать и перенесли разговор на утро. Вторая книга как раз и описывает это веселое общение за столом, в то время как третья книга вновь возвращает нас к «серьезному» предмету—доказательству авторитета Вергилия в религиозных вопросах.

Перевод сделан по изданию: Macrobius. Leipzig: Teubner, 1970. Vol. I. К сожалению, я не смог получить перевод «Сатурналий» хоть на какой-нибудь из новых языков², а также исторический комментарий А. С. Бенджамина ко второй книге³, что, конечно, очень бы способствовало совершенствованию перевода.

Все вставки-дополнения переводчика, не обусловленные передачей грамматических форм, отмечены в тексте квадратными скобками; греческие слова и фразы выделены курсивом. Встречающиеся в тексте лакуны отмечены многоточием в угловых скобках. Необходимые пояснения представлены в виде небольшого числа примечаний, а также в виде именного и предметного указателей.

* * *

² Например: MACROBE. Oeuvres complètes. P., 1845; 1854.

³ BENJAMIN A. S. An historical commentary on the second book of Macrobius' Saturnalia. Pennsylvania, 1955.

(1.1) Тут, как только достаточное количество еды заставило [их] чувство меры передохнуть от кушаний, и застольное веселье поднялось благодаря маленьким чашам [с вином], Авиен сказал: «Хорошо, а также мудро наш Марон одним и тем же стихом при замене немногих слов описал [и] шумливое, и трезвое застолье^{(1)*}. Ведь когда при царском убранстве [стола] излишество [в питье] приводит обыкновенно к шуму, он говорит:

«После того, как первый покой средь еды...». Когда же герои садятся, отстранив еду, он не указывает на покой, так как шум [еще] и не наступил, но [говорит]:

«После того, как голод, едой утоленный...» (2) [А] этот наш пир, который вобрал и скромность героического века и приличие нашего, [и] на котором [присутствует и] умеренная пышность, и нескаредная бережливость, я не усомнился бы не только сравнить с пиром [у] Агафона, при всем (vel post) великолепии слога Платона, но и [даже] предпочесть [ему]. (3) Ведь сам распорядитель [нашего] застолья [Претекстат] и в нравственном отношении не ниже Сократа, а в государственных делах [уж подавно] успешнее [этого] философа. [И] вы, остальные присутствующие, больше [других] выделяетесь приверженностью к доблестям, чтобы кто-нибудь додумался сравнивать вас с комическими поэтами и с Алкивиадом, который был силен только в непотребствах, а также с другими участниками этого многолюдного пира».

(4) «Я прошу добрых слов, заметил Претекстат,—что касается только уважения достоинства Сократа. Ибо кто не согласился бы предпочесть находящихся здесь светил [науки] тем, кто был на том пире [у Агафона]? Но тебе-[то], Авиен, зачем нужен этот пример [с пиром у Агафона]?»

(5) «[Он нужен мне],—отвечает [Авиен],—так как [известно, что] при [всей] их сосредоточенности нашелся [тот], кто попросил впустить музыкантшу, чтобы девушка, сверх меры (supra naturam) гибкая, умело возбуждала соблазн [у] философствующих прелестным пением и чарующей пляской. (6) Там было искушение сделать это, чтобы отпраздновать победу Агафона [в соревновании поэтов], [а] мы [даже] богу, чей это праздник⁽²⁾, воздаем честь без капельки [хоть] какого-нибудь веселья. И я [хорошо] знаю, что ни грусть, ни мрачный вид не ведут к добру вас, [как] и того Красса, о котором Цицерон пишет, чтобы весьма удивить, что он, [чему] свидетель Луцилий, смеялся [лишь] однажды в жизни».

(7) Когда [в ответ] на это Претекстат сказал, что зрелищные развлечения не привычны для его пенатов, и [их] не должно ставить

* Примечания, обозначенные цифрой в скобках, см. после текста перевода.—Ред.

выше столь важного собрания, Симмах поддержал [его словами]: (8) «Так как «В сатурналии, в самый лучший праздник»⁽³⁾, как бает веронский стихотворец, нам не следует ни отвергать удовольствия, как врага, подобно стойкам, ни полагать в удовольствии высшее благо, подобно эпикурейцам, давайте придумаем увеселение, лишенное игривости, и, если я не ошибаюсь, я нашел [его в том], чтобы мы по очереди передавали друг другу шутки стародавних и знатных мужей, выбранные из многих книг. (9) Пусть это литературная забава и умная шутка будет у нас вместо колючего песка и босого плясуна, произносящего бесстыдные и неприличные слова, подделывавшиеся под стыдливость и скромность. (10) И это занятие казалось древним достойным и заботы, и увлечения. И я тут же перво-наперво обращаю [ваше] внимание на двух [людей]: сочинителя комедий Плавта и витию Туллия, о которых, красноречивейших, старина поведала, что они оба превосходили прочих [людей] еще и в приятности шуток. (11) Притом Плавт был [настолько] знаменит в этом деле, что после его смерти по обилию шуток признавали, что комедии, которые считались неопределенными [в отношении их создателя], все же принадлежат Плавту.

(12) А кто не знает, насколько силен был в этом деле Цицерон? Он даже озаботился прочесть книги своего вольноотпущенника, которые тот составил о шутках патрона. [Впрочем], кое-кто думает, что они принадлежат [ему] самому. Кто также не знает, что его, консуляра, неприятели зовут развязным шутком? Ватиний даже поместил это в своей речи. (13) И если бы [это] не было долгим, я сообщил бы [вам], в каких тяжбах он одерживал победу благодаря шуткам, хотя защищал весьма виновных ответчиков, как вот, [например], при [защите] Луция Флакка, которого, ответчика за получение незаконных денег, он избавил от очевиднейших обвинений благодаря удачной шутке. Эта шутка не вставлена в [записанную] речь [«За Луция Флакка»]. Она известна мне из книги Фурия Бибакула и упоминается среди его прочего остро-словия (dicta).

(14) А это словечко [«острословие»] я употребил не случайно, [но] сделал [это] намеренно. Ведь шутки в этом роде наши предки называли острословием. Свидетель [этого]—все тот же Цицерон, который так бает во второй книге писем к Корнелию Непоту: «Итак, хотя все, что мы сказали бы, [это] были бы высказывания (dicta), наши [предки] предпочитали, чтобы то, что мы высказали бы забавно, и кратко, и остро, называлось особенным именем «острословие (dicta)». Это [говорит] Цицерон. А Новий и Помпоний нередко именуют шутки краснобайством (dicteria).

(15) Также имел обыкновение метко пошутить известный Марк Катон Цензор. Пример этих [острословов] оградил бы нас от неприязни, даже если бы мы поддразнивали наших [современников], но так как мы передаем остроты (dicta) в отношении давних [людей], нас в любом

случае защищает сама внушительность виновников [шутки]. Итак, если вы одобряете [мою] находку, давайте поочередно рассказывать [друг другу], побуждая нашу память, [то], что кому-нибудь придет на ум из таких острот».

(16) Всем понравилось придуманное нехмельное увеселение. И они настояли, чтобы Претекстат, начиная согласно [своему] положению подал [в этом] пример. (2.1) Тогда он [начал так]: «Я хочу передать остроту врага, впрочем, [врага], [давно] побежденного, воспоминание о котором вызывает ликование [у] римлян. Весьма забавно пошутил Ганнибал Карфагенский, бежавший к царю Антиоху.

(2) Эта шутка была такого вот рода. Антиох показывал на поле огромные полки, которые он подготовил, намереваясь вести войну с римским народом, и выстраивал пехоту, расцвеченную серебряными и золотыми значками. Он выводил также [боевые] колесницы с серпами, и [боевых] слонов с башенками, и конницу, сверкающую удилами и чепраками, ожерельями и бляхами. И там царь, исполненный тщеславия от созерцания столь великого и столь украшенного войска, смотрит на Ганнибала и говорит: «Считаешь ли ты, что всего этого достаточно для римлян?» (3) Тогда пуниец, обыгрывая слабость и робость его великомерно вооруженных воинов, отвечает: «Я думаю, что римлянам этого вполне достаточно, даже если они самые алчные [люди]». [И] впрямь, ничто не может быть сказано [в данном случае] ни столь изящно, ни столь язвительно. [Ведь] царь спросил о численности своего войска и мнение относительно сравнения [с римлянами], [а] Ганнибал ответил о [будущей] добыче [римлян]».

(4) [Вслед за ним] прибавил [красное словцо] Флавиан: «У древних было священнодействие, которое звалось придорожным. В том [священнодействии] был обычай: если бы что-нибудь из кушаний оставалось, уничтожать [это] огнем. Отсюда у Катона есть шутка. Так вот, о некоем Альбидии, который проел свое добро и совсем недавно потерял в пожаре построенный у дороги дом, который у него [еще] оставался, он сказал: «Что съесть он не смог, то сжег»»⁽⁴⁾.

(5) Затем [высказался] Симмах: «Мать Марка Брута, Сервилия, так как получила от Цезаря, выставляющего на торги добро [осужденных] граждан, дорогое поместье за небольшие деньги, не избежала такого красного словца Цицерона: «Так вот, чтобы вы лучше были осведомлены о купленном: Сервилия приобрела это поместье, хотя была дана [всего] треть (tertia) [его стоимости]». Ведь [надо знать, что] у Сервилии была дочь Юния Терция (Tertia), жена Гая Кассия, и в то время диктатор настолько развлекался с матерью, насколько [и] с дочерью»⁽⁵⁾. Тогда общество в пересудах и насмешках порицало разнузданность старого прелюбодея, чтобы зло не стало столь значительным».

(6) После него [выступил] Цецина Альбин: «Как-то на тяжбе [своего] приятеля Планк спросил, так как хотел опровергнуть неприятного

свидетеля, каким занятием он себя содержит, поэтому что знал [его как] сапожника. Тот по-городскому учтиво ответил: «Я обрабатываю галлу». Это считается сапожным средством, [название] которого [Планк] ловко обратил в упрек в прелюбодеянии. Ведь Планк слышал дурное в отношении замужней Мевии Галлы».

(7) [За Цециной] последовал Фурий Альбин, [рассказавший следующее]: «Дошло [до нас], будто расспрашивающим, что делал Антоний после Мутинского бегства, его приближенный ответил: «[То], что [делает] собака в Египте: пьет и бежит». [Он сказал так], поскольку известно, что собаки в тех краях, напуганные нападением крокодилов, пьют на бегу».

(8) Затем [рассказал] Евстафий: «Так как среди первых [встретившихся] Публий увидел зловредного Муция, по обыкновению очень угрюмого, он сказал: «Или Муцию выпало что-то нехорошее, или кому-то [другому] что-нибудь хорошее»».

(9) Далее [рассказ продолжил] Авиен: «Фауст, сын Суллы, так как его сестра Фульвия в одно и то же время имела двух любовников: сына сукновала и [какого-то] Помпея, по прозвищу Пятно, сказал: «Удивляюсь, что у моей сестры есть пятно, хотя она имеет сукновала»»⁽⁶⁾.

(10) Тут Евангел [уже выступил]: «У Луция Маллия, который считался лучшим живописцем в Риме, как-то обедал Сервилий Гемин и сказал, так как увидел его неказистых сыновей: «[Очень уж] не одинаково [хорошо] ты, Маллий, лепишь и рисуешь». На что Маллий ответил: «Леплю-то я в потемках, [а] рисую на свету»».

(11) Потом заговорил Евсевий: «Демосфен, [увлеченный] молвой о Лаиде, наружности которой дивилась тогда [вся] Греция, пришел [к ней], чтобы самому овладеть восхитительным предметом любви. Когда [же] он услышал, что цена одной ночи – половина таланта, удалился, сказав: «Я не покупаю за столько, чтобы [потом] не сожалеть»».

(12) Между тем, так как Сервий молчал из-за [своей] скромности, хотя [принятый] порядок обязывал его [говорить], Евангел сказал: «Если ты, грамматик, желаешь молчать о таковом, чтобы казаться оплотом пристойности, [то]ставляешь всех нас бесстыдными. С другой стороны (unde), ни твоя, ни Дисария или Хора строгость не будет свободна от клейма гордыни, если бы вы не захотели подражать Претекстату и нам».

(13) Тогда Сервий, после того как увидел, что молчание больше недопустимо, настроил себя на [шаловливую] вольность подобного [рода] повествования. Он рассказал: «Так как Каниний Ребил был консулом только один день (die), Марк Отацилий Пифолай сказал: «Прежде [только] жрецы [диальные] [избирались], [а] ныне [и] консулы дневальные (diales) избираются»»⁽⁷⁾. (14) [Тут] и Дисарий, не ожидая более упрека в молчании, бает <...> (15) После него сказал уже Хор: «Я приношу вам двустийшие Платона, с которым он вроде бы выступал

в юности, так как в этом самом возрасте он пробовал играть в трагедиях:

*Душу свою на устах я имел, Агафона целую,
Словно стремилась она переселиться в него»⁽⁸⁾.*

(16) Когда от этих [стихов] возникло веселье, и все расслабились в сдержанном смехе, и обдумывают то, что было принесено отдельными [рассказчиками] из вкусных блюд прежнего остроумия. Симмах бает: «Эти строчки Платона, чьей прелести или краткости, неясно, ты изумляешься, читал, я помню, переведенные на латинский настолько растянута [в сравнении с тем], насколько наш [язык] считается обыкновенно более кратким и сжатым, чем язык греков. (17) И, как я мню, [вот] эти слова:

«Вот губы, чуть разжатые,
Нежно мальчика целуют,
И вздоха цветик свежего
Я с тропки рву открывшейся.
С раной, с болью душенька
Бег свой в рот направила,
И в глотку – двери выхода,
И разом в губы мальчика –
Путь перехода ровненький,
Чтобы выпорхнуть, несется.
И если вдруг бы длительным
Поцелуй бы получился,
То в жаре страсти огненной
Чрез зубы вышла б душечка,
И делу быть тут дивному:
Я бы мертвым сделался,
Чтобы выжить в мальчике вновь».

(3.1) Но я удивляюсь, что все вы умолчали о шутках Цицерона, в которых он был самым толковым, как и во всем [прочем]. И если [вам] угодно, [то] я так сообщу об остротах Цицерона, какие бы [мне] доставила память, как служитель храма возвещает ответы своего божества». Затем, когда все настроились слушать, он начал так: (2) «Когда Марк Цицерон обедал у Дамасиппа, и тот сказал, выставив посредственное вино: «Пейте это фалернское. Ему сорок лет», – он ответил: «Для [своего] возраста оно хорошо сохранилось». (3) А также он [тотчас] спросил, так как увидел своего зятя Лентула, человека малого роста, опоясанного длинным мечом: «Кто [же это] привязал моего зятя к мечу?» (4) И для брата, Квинта Цицерона, он не поскупился в отношении похожей колкости. Ведь так как он увидел в той провинции, которой тот управлял, огромных размеров – а сам Квинт был малого

роста—его изображение со щитом, нарисованное согласно обыкновению по груди, сказал: «Половина моего брата больше, чем он весь [целиком]».

(5) В консульство Ватиния, которое он исполнял [всего] несколько дней, повсюду распространялась замечательная по непринужденности шутка Цицерона. «Великое чудо,—сказал он,—произошло в год [избрания] Ватиния, потому что при этом консуле не было ни зимы, ни весны, ни лета, ни осени». Затем он ответил Ватинию, вопрошающему, отчего он затруднился придти к нему, недомогающему, домой: «Я хотел придти в твое консульство, да ночь мне помешала». С другой стороны, казалось, что Цицерон мстит ему, так как он помнил, что ответил ему Ватиний, когда он хвастался [тем], что был возвращен из ссылки на плечах государства: «Так с чего [же] бы ты [тогда] себе корячился (varices)?»⁽⁹⁾.

(6) Тот же Каниний Ребил, который был консулом [только] один день, как уже сообщил [о том] Сервий, когда взошел на ростры, он равным образом [и] вступил в почетную должность консула, и сложил [ее]. Об этом Цицерон воскликнул, радуясь всякому случаю для удачной шутки: «[Исключительно] умозримым является [наш] консул Каниний». И затем [еще добавил]: «Ребил достиг [единственно] того, чтобы [о нем] спрашивали, вместе с какими консулами он был консулом». Кроме того, он не преминул сказать: «Каниний у нас—[единственно] бодрствующий консул: он в свое консульство [ни одного] сна не увидел»⁽¹⁰⁾.

(7) Шуток Цицерона не терпел Помпей, [о котором] распространялась эта [вот] его острота: «Право, кого мне избегать, я знаю; за кем следовать, не знаю»⁽¹¹⁾. Но и когда он прибыл к Помпею, ответил говорящим, что он поздно пришел: «Ничуть не поздно я прибыл, ибо не вижу здесь ничего, находящегося в готовности». (8) Затем он ответил Помпею, спрашивающему, где был его зять Долабелла: «[Он был] вместе с твоим тестем»⁽¹²⁾. И так как Помпей наградил перебежчика [галла] римским гражданством, он воскликнул: «О прекраснодушный человек! Он обещает галлам чужое гражданство, [а] нам не может вернуть наше». Вследствие этого казалось, что Помпей заслуженно сказал: «Я желаю перехода Цицерона к врагам, чтобы он нас боялся».

(9) Так и на Цезаря [словно бы] скалила свои зубы язвительность Цицерона. Ведь спрошенный впервые после победы Цезаря⁽¹³⁾, почему он ошибся в выборе [сильной] партии, ответил: «Меня обмануло ношение [тоги]»,—подшутив над Цезарем, который так окутывался тогой, что ходил как бы обессилевший, волоча [ее] край, так что [еще] Сулла, будто провидец, сказал Помпею: «Берегись этого мальчика, плохо накинувшего [тогу]»⁽¹⁴⁾.

(10) Далее, когда Лаберий, удостоившись от Цезаря в конце игр золотого кольца, следом перешел для просмотра [представления] на пустую скамью в четырнадцати [всаднических] [рядах]⁽¹⁵⁾, тогда как

[каждый] римский всадник был унижен и прямо—[таки] оскорблен, Цицерон бает проходящему и ищущему сидение Лаберию: «Я бы тебя поместил, если бы не сидел в тесноте»,—одновременно и ему изъясляя презрение, и [вместе с тем] подшутив над новым сенатом, численность которого Цезарь умножил сверх дозволенного. Но не безнаказанно [он пошутил], ибо Лаберий ответил: «Удивительно, если даже ты, имеющий обыкновение сидеть на двух стульях, сидишь в тесноте»,—упрекнув Цицерона в легкомыслии⁽¹⁶⁾, из-за которого наилучший гражданин [Рима] незаслуженно имел дурную славу.

(11) Также в другой раз Цицерон открыто осмеял легкомыслие Цезаря при выборе в сенат. Ведь когда гость [Цицерона] Публий Маллий упрасивал его, когда многие [из присутствующих] удалились, чтобы он устроил его пасынку звание декуриона, сказал: «В Риме, если ты хочешь, он будет [его] иметь; в Помпеях [это] нелегко устроить». (12) И эта [вот] его колкость не осталась втайне. Как-то [его] поприветствовал некий Андрон, житель Лаодикеи. Когда он расспросил [его] и разузнал о причине прибытия,—а тот ответил, что он прибыл послом к Цезарю по вопросу об освобождении [своего] отечества,—так выразился о всенародном рабстве: «Если бы ты преуспел [в этом], [то] и от нас будь послом». (13) В нем бурлила исходящая шутками и [вместе с тем какая-то] мрачная язвительность, как это явствует из письма к Гаю Кассию, ненавистнику диктатора: «Я хотел бы, чтобы ты пригласил меня на обед в мартовские иды; не было бы никаких остатков. Теперь ваши остатки мучат меня»⁽¹⁷⁾. Цицерон также весьма забавно подтрунивал над [своим] зятем Писоном и Марком Лепидом».

(14) Когда Симмах еще говорил и, как казалось, многое [притом] намеревался сказать, Авиен вставая, как это обыкновенно бывает в застольных разговорах, сказал: «И Август Цезарь в колкостях этого рода [был] не менее силен, чем кто-либо, и, возможно, чем Туллий. И, если будет вам желательно, я готов поведать что-нибудь из того, что сохранила память». (15) И [тут] Хор [говорит]: «Брось, Авиен, пусть Симмах доскажет остроты Цицерона о тех, кого он уже назвал по имени, и [тогда] более уместно последует [то], что ты хочешь сообщить об Августе».

(16) При молчании Авиена, Симмах [продолжил]: «Цицерон, я говорю, так как его зять Писон ходил очень изнеженно, а дочь очень стремительно, сказал дочери: «Ходи, как мужчина»⁽¹⁸⁾. И так как Марк Лепид сказал в сенате господам сенаторам <...>, Туллий бает: «За столько я не образовал бы *сходносклоняемого*»⁽¹⁹⁾. Впрочем, продолжай, Авиен, чтобы я дольше не задерживал тебя, жаждущего высказаться».

(4.1) И тот [начал]: «Август Цезарь, говорю, любил шутки, однако при полном уважении достоинства и стыдливости, и чтобы [при этом] не пасть до [уровня] шута. (2) Он написал трагедию «Аякс» и ее же

уничтожил, потому что [она] ему не понравилась. После этого сочинитель трагедий Луций Варий спросил его, что совершил его Аякс. И он ответил: «Он полег ради кольчуги»⁽²⁰⁾. (3) Также Август, так как некто робкий подносил ему прошение и то протягивал руку, то отводил [ее], сказал: «Ты думаешь, что даешь асс слону»? (4) А также, так как Пакувий Тавр просил у него конгиарий и говорил, что люди повсюду уже болтают, будто он дал ему немалые деньги, [Август] сказал: «Да ты [этому] не верь». (5) Другого [человека], отстраненного от командования конным отрядом и притом еще требующего жалованье, говоря: «Не ради наживы я прошу дать его мне, но чтобы казалось, будто по твоему решению я получил слишком мало и тогда сложил [с себя] должность»,—он сразил такой остротой: «Ты при всех утверждай, что [его] получил, а я не стану отрицать, что [его] дал».

(6) Известна его же учтивая шутка в отношении Херенния, юноши, предававшегося порокам. Так как [Август] приказал выслать его из лагеря, и тот, упрашивая [оставить], обратился [к нему] с такой мольбой: «Как [же] я возвращусь в родные места? Что я скажу своему отцу?»—Он ответил: «Скажи [ему], что я тебе не понравился». (7) [А] [воина], раненного в походе камнем и обезображенного значительной раной на лбу, но [уж] слишком превозносящего свои дала, он мягко пожурил так: «Все же, когда ты побежишь,—сказал,—никогда не оглядывайся назад (post te)». (8) [И также] Гальбе,— чье тело было обезображено горбом,—ведущему у него дела и часто говорящему: «Поправь меня, если ты что-нибудь осуждаешь»,—ответил: «Я могу тебя поучать, исправить не могу».

(9) Так как многие [люди] получали оправдание [в суде], когда обвинителем был Север Кассий, и [так как] зодчий форума Августа долго оттягивал осмотр (expectationem) сооружения, он так пошутил: «Я хотел бы, чтобы Кассий обвинял и мой форум». (10) Так как Веттий выпалхал памятник отцу, Август сказал: «[Вот] это — поистине почтить (colere) память отца!»⁽²¹⁾. (11) Так как он услышал, что среди мальчиков двухлеток, которых приказал истребить в Сирии царь иудеев Ирод, оказался даже его сын, сказал: «Лучше [уж] быть свиньей Ирода, чем [его] сыном».

(12) Также Август, потому что признал Мецената своим, отбросив жеманный и велеречивый склад речи, очень часто показывал себя таким [же свойским] в письмах, которые писал к нему, и в пику осуждению многословия, которое тот иной раз сохранял в переписке, сочинил в дружеском письме к Меценату многое, вылившееся в шутки: «Здравствуй, эбен [ты] мой [из] Медуллии, эбур из Этрурии, лазерпиций арретинский, алмаз северный, жемчуг тибрский, смарагд Цильниев»⁽²²⁾, яшма игувийцев, берилл Порсены, карбункул [из] Адрии, [и], *чтобы мне [уж] закончить совсем, припарочка* распутниц».

(13) [Однажды] кто-то встретил его обедом, довольно бедным и

как бы повседневным: ведь он не отказывал почти никому, приглашавшему его. Уходя тогда после еды, небогатой и без какой-либо [красивой] посуды, он шепнул говорящему «прощай» только это: «Не думал, что я настолько знаком с тобой». (14) Так как он жаловался на темный [цвет] тирского пурпура, который приказал купить, продавец сказал [ему]: «Подними [ткань] повыше и посмотри». [Тут] [Август] разразился такой шуткой: «Что? Я стану прогуливаться по крыше, чтобы римский народ говорил, что я хорошо одет?». (15) Своему номенклатору, на забывчивость которого он [обыкновенно] жаловался, вопрошающему: «Неужели ты поручаешь [мне дело] на форуме?» – сказал: «Возьми рекомендательные [списки] (commendaticias), так как ты там никого не знаешь».

(16) Что касается Ватиния, он изрядно прыгал в своем раннем возрасте. [В старости] разбитый подагрой, он хотел однако выглядеть [так], будто недуг уже преодолел и хвалился, что он проходит тысячу шагов. Цезарь [Август] сказал ему «Я не удивляюсь [этому]. Дни-то] [твои] куда как долгие». (17) Когда ему сообщили о значительной величине долга, которую скрыл какой-то римский всадник, возросшей (excedentem) в двести раз [за время], пока он жил, [Август] приказал купить ему на распродаже его [имущества] постельный тюфяк и для изумляющихся [этому] решению прибавил такое соображение: «Тюфяк, на котором он мог [спокойно] спать, хотя столько был должен, нужно приобрести для [безмятежного] сна». (18) Не следует упускать его высказывание, которое он сделал в честь Катона. Случайно он зашел в дом, в котором [когда-то] обитал Катон. Затем, так как Страбон в угоду Цезарю [Августу] дурно отзывался о непреклонности Катона, сказал: «Всякий, кто не пожелает, чтобы существующее состояние государства подвергалось изменениям, является хорошим и гражданином и человеком». [Таким образом] он совсем нешуточно и Катона похвалил и о себе [самом] позаботился [в том отношении], чтобы никто не стремился осуществлять нововведения [в государстве].

(19) [Впрочем], в отношении Августа я обыкновенно больше изумляюсь [тому], какие шутки он переносил, чем [тому], какие он сам произносил, потому что большей похвалы заслуживает терпимость [к шуткам], чем [само] красное словцо, так как она весьма невозмутимо переносит каким-либо образом даже [нечто] более неприятное, чем шутки. (20) Известна язвительная шутка какого-то провинциала. В Рим прибыл [молодой человек] очень похожий на Цезаря [Августа], и обратился на себя [внимание] всех ротозеев. Август приказал привести к нему [этого] человека и спросил [его], представшего перед глазами, таким образом: «Скажи мне, юноша, была [ли] когда-нибудь твоя мать в Риме?» Тот отрицал [это] и, не сдержавшись, прибавил: «Но [зато] мой отец часто [бывал]». (21) Поллион, так как Август написал на него фесценнины, [а это было] во времена триумвиров, сказал: «Но я

молчу. Не легко ведь написать [фесценнины] на того, кто может объявить [тебя] вне закона». (22) Римский всадник Курций, утопающий в роскоши, так как на пиршестве [у] Цезаря [Августа] взял тощего дрозда, спросил, позволит ли он отпустить [его]. Принцепс ответил [вопросом на вопрос]: «Почему бы не позволить?» [Тогда] тот немедленно бросил [дрозда] через окошко. (23) Август заплатил долг какого-то любимого сенатора, не спросив у него [и] начислив в сорок раз [больше занятого]. Но тот вместо выражения благодарности написал ему только [вот] это: «[А] мне ничего [ты не заплатил]». (24) Его вольноотпущенник Лициний обыкновенно приносил приступающему к делам патрону много денег. Последовав этому обычаю, он пообещал сто [монет] по записке, в которой часть добавленной пометки о нехватке денег продолжалась сверху, хотя внизу пустовало место. Воспользовавшийся случаем, Цезарь [Август] своей рукой, старательно заполнив [оставшийся] промежуток и достигнув сходства букв, присоединил к прежнему [числу] другое, [увеличившее его] на сто, и получил [у него] удвоенное количество, так как вольноотпущенник не подал виду. После этого он, когда было начато другое предприятие, мягко упрекнул Цезаря [Августа] за его поступок, передав [ему] такую записку: «Приношу тебе, господин, для расходов на новое дело [то], что [тебе] помешится».

(25) Удивительна и похвальна также выдержка Августа—цензора. Принцепс обвинял [какого-то] римского всадника, будто бы он преуменьшил свои средства. Но тот прилюдно доказал, что он [их] [даже] преувеличил. Вскоре он вменил ему же в вину, что он при заключении брака не следовал законам. Тот [в ответ на обвинение] сказал, что у него есть жена и трое детей. [И] затем прибавил: «Впредь, Цезарь, когда ты ведешь следствие о честных людях, поручай [его] [тоже] честным [людям]». (26) Еще он перенес не только своеволие, но и сумасбродство [некоего] воина. В какой-то [своей] усадьбе он проводил беспокойные ночи, так как его сон нарушал непрерывный крик совы. [Один] воин, опытный в птицеводстве, озабочился поймать сову и принес [ее] [Августу] в надежде на огромную награду. Похвалив [воина], император приказал дать [ему] тысячу [мелких] монет. [Недовольный], тот дерзко сказал: «Я очень хочу, чтобы [она] жила»,—и отпустил птицу. Кто бы не удивился [тому], что строптивый воин ушел, [так и] не рассердив Цезаря? (27) Ветеран, так как в указанный ему день он отвечал по иску (*periclitaretur*), пришел в приемную (*in publico*) к Цезарю [Августу] и просил ему помочь. Тот без задержки дал защитника, которого выбрал из своего сопровождения, и поручил ему тяжущегося. [И тут] ветеран гаркнул: «Но я-[то], Цезарь, когда ты подвергался опасности в Актийской битве, не искал [себе] заместителя, а сам [лично] сражался за тебя»,—и открыл глубокие рубцы. Цезарь [Август] покраснел и [сам] пошел [в суд] в качестве защитника, чтобы не пока-

заться не только высокомерным, но еще и неблагодарным. (28) Среди обеда он был восхищен оркестрантами работаровца Торония Флакка и одарил их зерном, хотя в отношении других музыкантов был щедр на деньги. И их же Тороний потом так соответственно (aeque) оправдал перед Цезарем Августом, не находящим [их] на обеде: «Они у мельницы находятся».

(29) Величественным возвращался [Август] после Акийской победы. Среди приветствующихся подбежал к нему [человек], держащий ворона, которого он научил говорить: «Да здравствует Цезарь, победитель император!» Изумленный Цезарь [Август] купил любезную птицу за двадцать тысяч сестерциев. Товарищ [этого] затейника, которому ничего не досталось от тех щедрот, твердил Цезарю, что у того есть [еще] и другой ворон. Он упросил его, чтобы [затейника] заставили принести [птицу]. Принесенный [второй] [ворон] произнес слова, которым он научился: «Да здравствует победитель император Антоний!» Ничуть особенно (satis) не раздраженный, [Август] повелел, чтобы тот поделился дарованным с приятелем. (30) Поприветствованный подобным [же] образом попугаем, Август приказал купить [и] его. Подивившись также на [приветствие] сороки, он ее тоже выкупил [у хозяйки]. [Этот] пример побудил бедного сапожника обучать ворона точно такому же поздравлению. Сильно утомленный, он имел обыкновение часто говорить молчащей птице: «Пропали [даром] труд и затраты». Как-то ворон все же начал выговаривать подсказанное приветствие. Услышав его, пока проходил [мимо], Август ответил: «Дома у меня достаточно таких поздравителей». [Но] у ворона осталось в памяти и то, что он обычно слышал от жалующегося господина, так что он присовокупил: «Пропали [даром] труд и затраты». При этом Цезарь [Август] засмеялся и приказал купить птицу [за столько], за сколько до этого он не покупал ни одну [другую птицу]. (31) Спускающемуся с Палатия Цезарю [Августу] [какой-то] гречишка обычно протягивал какую-нибудь воздающую почести эпиграмму. Так как он часто делал это безуспешно, и [так как] Август увидел, что он опять намеревается сделать то же самое, нацарапал на листе своей рукой короткую греческую эпиграмму [и] затем послал [ее] [гречишке], идущему ему навстречу. Тот по прочтении стал хвалить, настолько выражать восхищение голосом, насколько [и] мимикой. И когда он подошел к креслу [Августа], достал, опустив руку в тощий кошелек, несколько денариев, чтобы дать их принцепсу. [Все это] сопровождали такие слова: «*Клянись твоим счастьем, Севаст! Если бы я имел больше, больше бы дал*». Когда последовал общий смех, Цезаря [Август] позвал казначея и приказал насчитать гречишке сто тысяч сестерциев.

(5.1) [А] вы хотите, чтобы мы поведали о каких-нибудь островах еще и его дочери Юлии? Впрочем, если меня не сочтут болтливым, я хочу прежде немного сказать о свойствах [этой] женщины, чтобы кто-

нибудь из вас не посчитал серьезным и поучительным [то], что она говорила». И при общем одобрении, чтобы приступить к затеянному, он так начал [рассказ] о Юлии: (2) «Она достигла [уже] тридцати восьми лет—время зрелости (aetatis), клонящейся к старости, в случае если бы сохранился здравый ум. Но она настолько злоупотребляла снисходительностью судьбы, насколько [и] отца, хотя любовь к наукам и значительное образование, что в том доме было доступно, [и], кроме того, кроткое человеколюбие и совсем не жестокая душа все же снискали [этой] женщине огромное расположение к изумлению [тех], кто равно знал [ее] пороки и [их] столь большое разнообразие.

(3) Не раз отец предупреждал [ее], однако придерживаясь в разговоре [середины] между снисходительностью и суровостью, [чтобы] она соблюдала меру в роскошных нарядах и [в числе] глазающих [по сторонам] провожатых. Когда же он пригляделся к куче внуков и [их] сходству, как [только] представил [себе] Агриппу, покраснел [от стыда], что сомневался в пристойности [своей] дочери. (4) Поэтому Август тешил себя [тем], что у [его] дочери веселый, с виду дерзкий нрав (animus), но не отягощенный пороком, и хотел верить, что такой [же] в старшем [поколении] была Клавдия. Ввиду этого он сказал среди друзей, что у него две избалованные дочери, которых он вынужден переносить,—республика и Юлия.

(5) Она пришла к нему в очень неподобающем одеянии и натолкнулась на хмурый взгляд отца. На следующий день она изменила покрой своего наряда и обняла повеселевшего отца, так как [ее одежда] обрела строгость. И он, который накануне сдерживал свою печаль, [теперь] [уже] не смог сдерживать радость и сказал: «Насколько более достоин одобрения этот наряд на дочери Августа!» [И все же] Юлия не упустила [случая] сказать в свою защиту: «Сегодня-то я оделась для отца, а вчера одевалась для мужа». (6) Известно [о ней] и другое. На представлениях гладиаторов Ливия и Юлия обратили на себя [внимание] народа [из-за] несходства [их] свиты: тогда как Ливию окружали основательные мужчины, ту обступила толпа юношей, и притом развязных. Отец указал [ей] [на это] в записке, чтобы она поняла, насколько [велика] разница [в свите] у двух первых женщин [государства]. [В ответ] она изящно написала: «Вместе со мной и они состарятся».

(7) Соответственно, по достижении зрелого возраста у Юлии начали появляться седые [волосы], которые она убирала по обыкновению тайно. Как-то внезапный приход отца застал врасплох парикмахерш (ornatrices) [Юлии]. Август не подал вида, что заметил на их одежде седые [волосы], и, потянув время в разных разговорах, перевел беседу на возраст и спросил дочь, какой бы она предпочла быть по прошествии нескольких лет: седой или лысой. И так как она ответила: «Я предпочитаю, отец, быть седой»,—он так упрекнул ее за обман: «Почему же тогда эти [твои парикмахерши] столь поспешно делают тебя лысой?»

(8) Также когда Юлия выслушала [одного] откровенного (*gravem*) друга, убеждающего [ее], что она сделает очень хорошо, если возьмет себе за образец отцовскую бережливость, сказала: «Он забывает, что он—Цезарь, [а] я помню, что я—дочь Цезаря». (9) И так как наперсники [ее] безобразий удивлялись, каким [это] образом она, сплошь и рядом допускавшая обладание собой, рожала детей, похожих на Агриппу, сказала: «Ведь я никогда не беру пассажира, если корабль не загружен». (10) Близкое [по теме] высказывание [принадлежит] Популии, дочери Марка. Кому-то удивляющемуся, почему иные звери—[самки] никогда не пожелали бы самца, кроме [как тогда], когда они хотели бы стать оплодотворенными, она ответила: «Потому что они—звери».

(6.1) Но я хотел бы возвратиться от женщин к мужчинам и от игривых шуток—к пристойным. [Так вот], знаток права Касций пользовался уважением за необыкновенно изысканное остроумие и благородство. Но особенно стала известной такая его шутка. Ватиний, заброшенный народом камнями, когда он устраивал гладиаторские состязания, добился [того], чтобы эдилы объявили: пусть никто не позволяет себе бросать на арену [ничего], кроме фруктов. Случайно опрошенный в эти дни кем-то [о том], считалась ли бы сосновая шишка фруктом, Касций ответил: «Если ты намерен бросить [ее] в Ватиния, [то] она, [без сомнения],—фрукт». (2) Затем, передают, он [так] ответил купцу, спрашивающему [его], каким образом ему разделить корабль с компаньоном: «Если ты разделишь корабль, [то] [его] не будет ни у тебя, ни у [твоего] компаньона».

(3) О славном красноречии Гальбе, которого портило телосложение (*habitus... corporis*), как я раньше сказал, распространяли [такое] высказывание Марка Лоллия: «У дарования Гальбы неподходящее обиталище (*habitat*)». (4) Над тем же Гальбой очень едко посмеялся грамматик Орбий. Орбий выступил свидетелем против [какого-то] обвиняемого. Гальба, умолчав о его занятии, спросил его, чтобы сбить с толку: «Чем из искусств ты занимаешься?» [На что] он ответил: «Я обыкновенно растираю горбы на солнце».

(5) Так как Гай Цезарь приказал выдать всем (*aliis*), кто забавлялся вместе с ним мячом, по сто сестерциев, [и лишь] одному Луцию Цецилию — пятьдесят, тот сказал: «За что? [Разве] я играю одной рукой?»

(6) Рассказывали, что Публий Клодий был разгневан на Децима Лаберия, потому что он не подарил ему, просящему, мим. [В ответ] [Лаберий] сказал, обыгрывая [кратковременное] изгнание Цицерона: «Что более обременительное ты можешь мне сделать, кроме [того], чтобы я сходил в Диррахий и вернулся?» (7.1) Но так как немного раньше и Аврелий Симмах, и теперь я, мы [оба] упомянули о Лаберии, [и] если мы [еще] как-либо сообщим о его и Публилия остроумии, [то] покажется, что мы и малопрстойности приглашения мимов на

пир избежим и все же воспроизведем [ту] оживленность, которую они обещают вызвать, когда присутствуют [на пиру].

(2) Лаберия, римского всадника, [человека] непоколебимого свободолюбия, Цезарь соблазнил пятьюстами тысяч [сестерциев], чтобы он вышел на сцену и сам исполнил мимы, которые пописывал. Однако властелин, не только если бы он соблазнял, но и если бы [даже] просил, [всегда] принуждает, о чем принужденный Цезарем Лаберий и сам (se) свидетельствует в прологе [мима] в этих [вот] стихах:

(3) «Необходимость, коей силы гнет крутой
Избегнуть много кто хотел, да не сумел,
Зачем почти до крайних мук меня гнетешь?
Меня, кого тщета и подкуп никогда,
Ни страх, ни сила вкупе или мнение
Подвигнуть в юности к лукавству не могли,
Вдруг в старости легко сколь речь принудила
С душой широкой мужа превосходного,
Без крика, вкрадчиво, спокойно сказанная?
Ведь сами боги отказать ему не могут,
Так снес бы он, чтоб отказал я, человек?
Хотя безгрешно шестьдесят лет пронеслись,
Я, римским всадником очаг оставив,
Домой вернусь уж мимом. В этот день, наверно,
Один прожил я больше, чем прожил до этого.
Фортуна, вместе в зле, в добре безмерная,
Желаешь если ты оценкой творчества
Вершину славы нашей видную разрушить,
Зачем, когда я члены крепкие имел,
Народу, мужу видному мог послужить,
Не гнула, чтобы, гибкого, меня проверить?
Теперь меня ты бьешь? Чего несу на сцену?
Пристойность вида или звание мое,
Отвагу духа или слово звучное?
Как силы дерева плющ губит вьющийся,
Меня так душит старость лет объятием.
Покойника лишь имя сохраняю я».

(4) Также и в самом действии [мима] он вслед за этим отомстил за себя, как мог, выведя образ [раба] Сира, который, как бы избитый плетьюми и похожий на вырывающегося, взывал:

«Вперед, квиниты, волю мы теряем!»
И немного позже прибавлял:
«Боятся многих пусть тот, кого боятся многие».

(5) При этих словах весь народ повернул лица к Цезарю, показывая [этим], что этой колкостью заклеено его властолюбие. (6) Из-за

этого он обратил [свою] милость на Публилия. Этот Публилий, родом сириец, когда [еще] мальчиком был отдан под покровительство [одного] господина, служивал ему не менее остроумия и умом, чем красотой [тела]. Ведь так как тот случайно увидел своего раба, больного водянякой, лежащим на площадке, и спросил, что он делает на солнце, [Публилий] ответил: «Он нагревает воду». Затем, так как за обедом ради шутки был поднят вопрос, какой же досуг был бы вынужденным, [и] кто-то предположил нечто неподходящее, он сказал: «[Это]—подагрические ноги».

(7) За это и другое он [был] отпущен на свободу и с очень большой заботой обучен. Так как он сочинял мимы и при огромном одобрении [зрителей] начал давать [их] в городах Италии, он [был] доставлен в Рим во время [устроенных] Цезарем игр. Он вызвал всех, кто тогда выносил на сцену написанное и свое исполнение, состязаться с ним, после чего состав (*materia*) [участников] был расположен в очередь согласно времени [выступления]. И без единого возражающего он превзошел всех, среди которых и Лаберия. (8) Об этом посмеивающийся Цезарь оповестил таким образом:

«Хвалю тебя, Лаберий: побежден ты Сиром»⁽²³⁾,—и тотчас дал Публилию пальмовую ветвь, а Лаберию золотое кольцо вместе с пятьюстами [тысячами] сестерциев. Тогда [и] Публилий говорит уходящему Лаберию:

«Писатель, с кем тягался, поддержи того как зритель!»

(9) Но и Лаберий тут же в следующем послании новому миму поместил эти [вот] стихи:

«Не могут первыми быть все раз навсегда.
Когда к ступени высшей славы ты придешь,
Не устоишь: скорее рухнешь, чем всходил.
Упал я, упадет другой: обща ведь слава».

(10) Сообщают, что забавны и наиболее пригодны для общего применения также изречения Публилия. Из них, чтобы [их] описать, я едва помню в виде отдельных строчек такие:

(11) «Оказывая благодеяние достойному, получаешь его сам.
Переноси, а не обвиняй то, чего не можешь изменить.
Кому дозволено больше, чем то справедливо, желает больше дозволенного.
Приятный спутник в дороге заменяет коляску.
Постыдна бедность, порожденная тщеславием.
Плач наследника—смех под маской.
Часто оскорбляемое терпение обращается в ярость.
Бесстыдно обвиняет Нептуна вторично потерпевший кораблекрушение.

В чрезмерных спорах теряется истина.
Часть благодеяния—любезный отказ в просимом.
Так обращай с другом, как если бы считал, что он может
стать врагом.
Переноса старые несправедливости, поощряешь новые.
Никогда нельзя победить опасность без опасности»⁽²⁴⁾.

(12) Но так как однажды я [сам] вышел на сцену для чтения [стихов], нам не следует обходить [вниманием] актера Пилада, который был знаменит в своем деле во времена Августа и благодаря [хорошему] обучению подвигнул [своего] ученика Хюла на притязание равенства [с наставником]. (13) Впоследствии народ разделился в [своем] предпочтении того или другого. И когда Хюл сопровождал движениями песню, в конце которой были [слова] [о] «великом Агамемноне», Хюл как бы обмерял [его] высокого и дородного. Пилад не вынес [этого] и прокричал с места: «Ты делаешь [его] большим, [а] не великим!» (14) Тогда народ потребовал, чтобы он показал в движениях ту же [самую] песню, и когда он дошел до [того] места, которое он осудил [в исполнении Хюла], он изобразил думающего [человека], решив, что ничего более не соответствует великому вождю, чем думать за всех⁽²⁵⁾. (15) Хюл исполнял [роль] Эдипа, и Пилад [вот] таким возгласом исправил небрежность в движениях исполняющего: «Ты видишь!» (16) Так как [Пилад] выступил в [роли] обезумевшего Геркулеса, и некоторым показалось, что он не сохраняет походку, подобающую актеру, он сняв маску, упрекнул смеющихся: «Глупцы, я [ведь] изображаю движения помешанного!» (17) Согласно этому преданию, он и стрелы—[то] направил в народ. Так как этот же [самый] образ он исполнял в столовой согласно повелению Августа, он [также] натянул лук и пустил стрелы [в присутствующих]. И Цезарь [Август] не рассердился, что он был у Пилада на том же самом положении, на каком [и] римский народ. (18) Так как передавали, что этот [Пилад] изменил обычай той грубой пляски, которая процветала у предков, и ввел [в нее] прелестное обновление, спрошенный Августом, что [именно] он привнес в пляску, ответил [словами Гомера]:

«Звук свирелей, цевниц, шум народа»⁽²⁶⁾.

(19) Также, так как он услышал бурное негодование Августа вследствие расхождения народа относительно состязания, состоявшегося между ним и Хюлом, ответил: «И ты, басилевс, бываешь неблагодарным! Предоставь им самим заниматься нами!»».

(8.1) Когда это было сказано, и поднялось веселье, так как [все] хвалили прекрасную память и прелесть остроумия у Авиена, слуга придвинул вторые блюда. (2) И [тут] Флавиан [говорит]: «Многие, как я считаю, расходятся в отношении их с Варроном, который в той великолепнейшей менипповой сатуре, которая озаглавлена «Что-нибудь да

принесет [тебе] вечера», удалил из [числа] вторых блюд пироги. Но я прошу [тебя], Цецина, приведи-ка ты сами слова Варрона, если они задержались у тебя по милости [твоей] крепкой памяти». (3) И [Цецина] Альбин сказал: «[То] место [из] [сатуры] Варрона, которое ты предлагаешь мне привести, есть эти [вот], примерно слова: «Есть лакомства преимущественно медовые, есть которые не медовые: ведь у сладкого—ненадежное товарищество с *пищеварением*». [Слово] же «лакомство» означает все виды вторых блюд. Ибо то, о чем греки говорили «*пирожки*» или «*сладости*», наши предки называли «лакомства»⁽²⁷⁾. Также вина послаще—[это] можно найти в очень старых комедиях—и вообще назывались этим словом: «Эти лакомства Либера»».

(4) И [сейчас же] Евангел [заметил]: «Давайте, прежде чем нам надлежит подняться, предадимся вину, что мы сделаем по примеру Платонова указания, который считал, что [оно]—какой-то трут и огниво наклонностей и доблести, [в случае] если бы дух и тело человека горели от вина». (5) Тогда Евстафий говорит: «К чему ты клонишь, Евангел? Или ты считаешь, что Платон советовал без разбора пить вина и скорее не одобрял, [чем одобрял], очень приятное и достойное угощение среди маленьких чаш, которое совершалось бы при каких-либо воздержанных как бы распорядителях и управителях пиров? И, что именно это бесполезно для [настоящих] мужчин, он решает в первой и второй [книге] [сочинения] о законах.

(6) Ведь он считал, что благодаря и упорядоченным, и приличествующим перерывам между питьем [вина] души оправляются и оздоравливаются, чтобы восстановить служение трезвости, и воспрянувшие, немного повеселевшие, они становятся способнее для нового осуществления намерений. И вместе с тем, если бы внутри в них находились какие-нибудь заблуждения чувств и влечений, которые, впрочем, скрывала достойная уважения стыдливость, [то] все это открывается без тяжелого испытания благодаря свободе, обретенной с помощью вина, и становится более поддающимся исправлению и излечению. (7) И это еще Платон там же говорит, что не следует отвергать опыт этого вот рода против устранения вредного действия вина и что достаточно достоверно не известно о каком-либо всегда (*umquam*) вполне воздержанном и умеренном [человеке], у которого жизнь не была бы испытана среди самых [настоящих] опасностей заблуждений и в среде соблазнов наслаждений. (8) Ведь [и тот], кому были бы неизвестны все радости и прелести пиров. и [тот], кто в них был бы всецело опытен, если бы его к участию в наслаждениях этого рода однажды увлекло бы или желание, или привел бы случай, или подтолкнула бы необходимость, вскоре размягчается и увлекается. и его ум и дух не способны устоять. (9) Итак, нужно выступить и как бы в каком-то строю рукопашную с доставляющими наслаждения вещами и с этой [твоей] дозволенностью вина, чтобы обороняться против них не бегст-

вом и не отступлением, но защищать умеренность и воздержанность силой и постоянным присутствием духа и соразмерным употреблением [вина]. И вместе с тем, разгорячив и согрев дух [вином], мы помогли бы [ему], если бы в нем было что-нибудь от холодной печали или сковывающей застенчивости.

(10) Но так как мы упомянули об удовольствиях, [надо заметить, что] Аристотель учит [о том], каких наслаждений следовало бы остерегаться. Итак, у людей есть пять чувств—греки называют их *ощущениями*: осязание, вкус, обоняние, зрение, слух, через которые удовольствие достигает души или тела. (11) Из всех них постыдным и негодным становятся неумеренное удовольствие. Но при том самым мерзким из всего, как считали мудрые мужи, бывает удовольствие, наиболее похожее на чрезмерное [наслаждение] от вкуса, и также от осязания. Из тех, кто более всего отдавался этим двум наиболее страшным порочным наслаждениям, греки называли словами «*несдержанные*» или «*распутные*»; мы называем таких [людей] беспутными или неумеренными. (12) Мы видим, что лишь эти два удовольствия от вкуса и осязания, то есть [наслаждение] от пищи и [дела] Венеры, являются общими у людей со зверями. Поэтому считается, что и в числе [домашней] скотины и [диких] зверей есть какие-нибудь [особи], плененные этими удовольствиями животных. Другие [удовольствия], возникающие на основе трех остальных чувств, принадлежат исключительно людям.

(13) Слова философа Аристотеля насчет этого дела я выношу на обозрение, чтобы обнаружить то, что столь славный и значительный муж думает об этих непристойных удовольствиях: (14) «*Не потому ли они называются необузданными, что переходят [меру] во врожденном удовольствии от осязания или вкуса? Кто [переходит границу] в любовных утехах⁽²⁸⁾, [тех называют] распутными. Кто же—в пище—обжорами. Из этих [наслаждений] пищей у одних—удовольствие на языке, у других же—в горле. Поэтому-то Филоксен и хвастал, будто имеет журавлиное горло. И потому, что врожденные удовольствия от этих чувств являются общими у нас с другими животными, подчинение [им] является [самым] постыдным из всех существующих [подчинений]. Например, не потому ли плененного этими вот [наслаждениями] мы порицаем и называем необузданным и распутным, что его подчиняют [себе] эти наихудшие удовольствия? Впрочем, из существующих пяти ощущений другие животные наслаждаются только двумя [чувствами]. Остальными же [ощущениями] они либо совсем не наслаждаются, либо изведывают [от них удовольствие] каким-то случайным [образом].*

(15) Итак, кто бы, имея хоть какой-нибудь человеческий стыд, [стал] радоваться этим двум наслаждениям соития и обжорства, которые являются общими у человека со свиньей и ослом? (16) Ведь Сократ говаривал, что многие люди потому хотят жить, чтобы есть и пить, он

[же хочет] пить и есть, чтобы жить. А Гиппократ, муж божественной учености, думал по поводу любовного соития так, будто это какой-то вид ужаснейшей болезни, которую наши называли комициальной. Ведь передаются эти [вот его] собственные слова: «*Соитие – это маленькая падучая*». <...>

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ

- ¹ Имеются в виду нижеследующие стихи «Энеиды» Вергилия (1, 216, 732), где описывается застолье героев поэмы.
- ² Богэто Сатурн, в честь которого и назван праздник сатурналий (17–25 декабря), в дни которого и состоялся пир, описываемый Макробием.
- ³ Катулл. XIV.15. Перевод А. Пиотровского (см.: Валерий Катулл, Альбий Тибулл, Секст Проперций. М.: Худож. лит., 1963. С. 35).
- ⁴ В оригинале что-то вроде аллитерации (или консонанса): quod comesse (съесть)... id combussisse (сжечь).
- ⁵ Об этой шутке Цицерона см.: Светоний. *Божественный Юлий*. 50 (Г.Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. М.: Наука, 1993. С. 21). Слова Симмаха содержат намек на то, что убийцы Цезаря Брут и Кассий имели на то и личные мотивы.
- ⁶ Грязное платье отдавали чистить валяльщику (сукновалу). См.: Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. М.: Олма-Пресс, 2001. Т. 2. С. 28; Т. 3. С. 476.
- ⁷ Острота основана на двойном значении слова dialis: «юпитеров» (диал— жрец Юпитера) и «однодневный». Чтобы и для русского уха это звучало неким подобием шутки, мы предложили такой довольно-таки искусственный перевод через некоторое созвучие слов. О консулах-«однодневках» см.: Тацит. *История*. III.37 (Тацит. Сочинения. Л., 1969. Т. 2. С. 114).
- ⁸ Перевод Л. Блуменау (см.: Греческая эпиграмма. СПб.: Наука, 1993. С. 40. № 3. Агафону).
- ⁹ Цицерон говорит о своей тяжелой походке в речи против Ватиния (III.8). У него было варикозное расширение вен (varix)?
- ¹⁰ Эта шутка о бдительности Каниния присутствует в письме Цицерона. См.: Цицерон. Письма. М., Л., 1951. Т. 3. С. 220–221 (DCXCVI), 584–585.
- ¹¹ Цицерон был противником Цезаря и в то же время утратил веру в Помпея. См.: Цицерон. Письма. М.-Л., 1950. Т. 2. С. 227–228 (CCCXXXVII), 450.
- ¹² Тестем Помпея был Цезарь.
- ¹³ Победа Цезаря—окончательный разгром помпеянцев в битве при Мунде (Испания) в 45 г. до н. э.
- ¹⁴ Предостережение Суллы о плохо подпоясанном юнце см.: Светоний. *Божественный Юлий*. 45.3.
- ¹⁵ В театре всадникам отводилось четырнадцать рядов.
- ¹⁶ Подразумеваются, видимо, колебания Цицерона между Помпеем и Цезарем.
- ¹⁷ «Обед»—это убийство Цезаря; «остатки»—Марк Антоний и его сторонники. Перевод и комментарий В. О. Гореншейна (см.: Цицерон. Письма. М., Л., 1951. Т. 3. С. 361 (DCCCXVIII), 630).
- ¹⁸ Употребляемое здесь слово vir означает также «муж», так что шутка подразумевает несообразность походки мужа мужской походке.

- ¹⁹ Понятно, что в отсутствии слов Лепида сделать «шутливый» перевод остроты Цицерона затруднительно.
- ²⁰ Ахейский герой Аякс Телемонид покончил с собой от обиды, что ему не присудили доспехи Ахилла.
- ²¹ Шутка построена на том, что среди значений слова *colere* есть значения «возделывать, обрабатывать землю, пашню» и «почитать, поклоняться».
- ²² Сам Меценат происходил из этого этрусского рода Цильниев.
- ²³ Шутливая похвала проигравшему связана с тем, что Сир (сириец)—это и упомянутый выше персонаж мима Лаберия и этноним Публилия: получается, что его победил не просто Публилий, а его собственный герой, который был призван осудить Цезаря, а оказался мстителем за него. Возможен еще и такой подтекст: в лице Сира Лаберий победил сам себя.
- ²⁴ Публилий Сир. Сентенции. Перевод Е.М. Штаерман // ВДИ. 1982. № 1. С. 233–252. Если пронумеровать строки перевода Е.М. Штаерман (к сожалению, не указано каким изданием она пользовалась и не сделана нумерация строк), то строки, приводимые Макробием, в его последовательности будут иметь такие номера: 49, 165, 106, 90, 935, 196, 184, 583, 344, 388, 246, 557, 369. Надо заметить, что Е.М. Штаерман не стала переводить эти строчки как стихотворные.
- ²⁵ В этой связи см. начало «Долонии» (Гомер. *Илиада*. X.1–4).
- ²⁶ Ремейк перевода Н.И. Гнедича (см.: Гомер. *Илиада*. X.13), подходящий для нашего контекста и соответствующий греческому оригиналу.
- ²⁷ Содержание этой сатуры по А. Геллию см.: Римская сатира. М.: Худож. лит., 1989. С. 396–397.
- ²⁸ Здесь употреблено слово τὰ φροδίσια от Афродита—богиня любви (ср. § 12, где использовано слово «Венера» как олицетворение любви).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Август (греч. Севаст) Цезарь (Цезарь Август)—римский император (I в. до н. э.).

Авиен—латинский поэт IV в. н. э., персонаж «Сатурналий». Есть мнение, что под этим именем выведен баснописец Авиан (IV в. н. э.).

Агамемнон—миф. царь Микен, предводитель греков в Троянской войне.

Агафон—афинский поэт V в. до н. э., персонаж «Пира» Платона.

Агриппа, Марк Випсаний—зять Августа.

Адриа—Адриатическое море.

Актийская битва, победа—Актий (Акций), мыс и город на берегу Амбракского залива (Балканская Греция), близ которого флот Августа одержал победу над силами Антония.

Алкивиад—афинский государственный деятель V в. до н. э., ученик Сократа, действующее лицо в «Пире» Платона.

Антиох III Великий—сирийский царь (III—II вв. до н. э.), потерпел поражение в войне с римлянами и заплатил им дань.

* Для справок о некоторых персонажах «Сатурналий» была использована статья: Петрова М.С. П. Персонажи «Сатурналий» и Макробий Феодосий // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 177–184.

Макробий

Антоний, Марк – соперник Августа за власть в Риме; окончательно был разбит в Актийской битве.
Аристотель – греческий философ IV в. до н. э.
Арретинский – Арретий, город в Этрурии.
Аякс (греч. Эант) Большой – миф. герой, участник Троянской войны.
Брут, Марк Юний – организатор убийства Цезаря.
Варрон, Марк Теренций (I в. до н. э.) – историк и грамматик.
Ватиний, Публий – римский государственный деятель I в. до н. э.
Венера – богиня любви.
Веронский стихотворец – поэт Гай Валерий Катулл из Вероны (I в. до н. э.).
Веттий (Вектий), Луций – римский политический деятель I в. до н. э.
Ганнибал Карфагенский – полководец II в. до н. э., воевал с Римом (II Пуническая война).
Геркулес (греч. Геракл) – миф. герой. Гера наслала на него припадок безумия, во время которого он убил жену и детей, что стало сюжетом трагедии Еврипида «Геракл».
Гиппократ (из Коса) – греческий врач V в. до н. э.
Дамасипп, Лициний – римский любитель искусства (I в. до н. э.).
Демосфен – афинский оратор (IV в. до н. э.).
Диррахий – город на побережье Адриатического моря, где Цицерон был в недолгой ссылке в 58 г. до н. э. по инициативе П. Клодия.
Дисарий – персонаж «Сатурналий», врач.
Евангел – один из участников пира «Сатурналий», критик.
Евсевий – греческий ритор, персонаж «Сатурналий».
Евстафий – философ-неоплатоник, современник Макробия, выведен в «Сатурналиях».
Игувийцы – жители города Игувия в Умбрии.
Кассий Лонгин, Гай – римский государственный деятель; участвовал в убийстве Цезаря.
Катон Цензор (или Старший), Марк Порций – римский государственный деятель, консерватор (III в. до н. э.).
Катон Младший (или Утический), Марк Порций – консерватор, сторонник республиканского строя, противник Цезаря.
Клодий (Клавдий) Пульхр, Публий – римский политический деятель, добившийся изгнания Цицерона, который был его обвинителем в оскорблении религиозного праздника.
Клавдия (Клодия) – сестра П. Клодия Пульхра; ее характеризуют как красивую, но безнравственную женщину.
Корнелий Непот – историк (I в. до н. э.).
Лаберий Децим – поэт-мимोगраф (I в. до н. э.).
Лаида – гетера из Сицилии.
Лаодикея – приморский город в Сирии.
Лепид, Марк Эмилий – римский политический деятель, союзник Антония и Августа по триумвирату.
Либер (греч. Вакх) – бог плодородия; в переносном значении – вино.
Ливия Друзилла – жена Августа.

Сатурналии. Книга вторая

Лоллий, Марк – государственный деятель, фаворит Августа.
Марон, Публий Вергилий – римский поэт I в. до н. э., автор «Энеиды» и других поэм.
Медуллия – городок в Латии (Лации).
Мениппова сатура – сатиры Варрона, написанные в подражание греческому кинику Мениппу (III в. до н. э.).
Меценат, Гай Цильний – всадник, друг Августа, покровитель поэтов.
Мутинское бегство – отступление Антония после поражения от войск сената и Августа у города Мутины (в долине реки По) в 43 г. до н. э.
Нептун (греч. Посейдон) – бог морей.
Новий, Квинт – автор комедий из народной жизни (ателлан) (I в. до н. э.).
Пакувий Тавр, Секст – римское должностное лицо времен Августа.
Палатий (Палатин) – холм в Риме, где находился дворец Августа.
Плавт, Тит Макций – римский комедиограф (III – II вв. до н. э.).
Планк, Луций Мунатий – близкий человек Августа, цензор.
Платон – греческий философ (V – IV вв. до н. э.).
Поллион, Гай Азиний – политик и писатель, сторонник Цезаря и Августа.
Помпеи – город в Кампании, около которого была усадьба Цицерона.
Помпей Великий, Гней – римский государственный деятель, боролся с Цезарем за власть в Риме (I в. до н. э.).
Помпоний, Луций – автор пьес из жизни народа (ателлан).
Порсена – царь одного из городов Этрурии (VII – VI вв. до н. э.).
Претекстат, Веттий – общественно-политический деятель IV в. н. э., распорядитель застолья в «Сатурналиях».
Публилий Сир – римский mimoграф I в. до н. э.
Сервий Мавр Хонорат – известный в IV в. н. э. комментатор Вергилия, участник пира в «Сатурналиях».
Симмах, Квинт Аврелий – государственный деятель и писатель (IV в. н. э.), персонаж «Сатурналий».
Сократ – афинский философ (V в. до н. э.).
Страбон, возможно, Марк Титий – сподвижник Августа.
Сулла, Луций Корнелий – римский политический деятель, диктатор (II – I вв. до н. э.).
Тибрский – Тибр, река в Италии.
Туллий – см.: Цицерон.
Филоксен – греческий поэт, живший в V – IV вв. до н. э.
Флавиан, Вирий Никомах – государственный деятель и писатель, действующее лицо «Сатурналий».
Флакк, Луций Валерий – римский государственный деятель, обвиненный в злоупотреблениях; в его защиту Цицерон произнес речь.
Фортуна (греч. Тюхе) – богиня счастья и удачи.
Фурий Альбин – персонаж «Сатурналий»; возможно, ему соответствует префект Рима Руфий Альбин (конец IV в. до н. э.).
Фурий Бибакул, Марк – эпический поэт (I в. до н. э.).
Хор – участник беседы в «Сатурналиях», выходец из Египта, киник.
Цезарь, Гай Юлий – политик, полководец и писатель; получил диктатуру в

Макробий

Риме; убит в результате заговора в 44 г. до н. э.
Цецилий Метелл, Луций – народный трибун, противник Цезаря.
Цецина Альбин – действующее лицо «Сатурналий»; ему, возможно, соответствует реальное лицо: понтифик Публий Цеоний Альфин.
Цицерон, Марк Туллий – римский политический деятель и писатель (I в. до н. э.).
Эдип (греч. Ойдипус) – миф. царь Фив; ослепил себя, после того как по незнанию убил своего отца и женился на матери. Миф об Эдипе разработан в трагедиях Софокла.
Этрурия – область в Италии.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Асс – медная римская монета.
Басилевс – царь (греч.).
Вольноотпущенники – рабы, отпущенные на свободу актом освобождения; часто они продолжали служить своим бывшим господам как патронам (покровителям).
Всадники римские – сословие с определенным имущественным цензом, превратившееся в торгово-финансовую аристократию Рима; вместе с сенаторами были правящим классом.
Галла – чернильный орех.
Галлы – римское название жителей на территории современной Франции (кельтов).
Герои – персонажи мифов, перешедшие затем и в литературные произведения; в данном контексте имеются в виду действующие лица «Энеиды» Вергилия, соратники и спутники Энея.
Героический век – подразумеваются стародавние времена (мифические), в которые жил Эней и прочие герои.
Денарий – римская серебряная монета.
Диктатор – в римском государстве должностное лицо с чрезвычайными полномочиями, назначавшееся на определенный срок, а в случае Суллы и Юлия Цезаря – бессрочно.
Квириты – обращение к римским гражданам в народных собраниях.
Комициальная болезнь – эпилепсия; эпилептический припадок во время народных собраний (comitia) считался дурным предзнаменованием, и собрание прерывалось.
Комические поэты – на пире, описанном Платоном, присутствовал комедиограф Аристофан.
Конгиарий – продуктовый паек, замененный впоследствии денежной выплатой.
Консул – глава Римской республики, избиравшийся на 1 год.
Консуляр – бывший консул.
Лазерпиций – смолистое растение, употреблявшееся как приправа и лекарство.
Мартовские иды – 15 марта 44 г. до н. э., день убийства Цезаря.
Мим – шутовская комедия, написанная ямбом (мимиямб); актер,

Сатурналии. Книга вторая

- разыгрывающий ее с помощью жестикуляции и танца.
- Номенклатор – раб, сообщающий господину имена (nomina) граждан и домохозяев, названия кушаний.
- Пенаты – боги хранители, в том числе боги домашнего очага; в переносном значении – жилище, дом.
- Принцепс – первый в списке сенаторов; в данном случае это относится к Августу, начиная с которого «принцепс» – это титул императора.
- Провинция – подчиненная Риму область вне Италии, управляемая наместником.
- Пуниец – римское название карфагенских финикийцев.
- Пурпур (тирский) – ткань, окрашенная в багряный цвет; наилучшим считался пурпур, изготовленный в Тире (приморский город в Финикии).
- Постры – трибуна, украшенная носами (rostra) вражеских кораблей.
- Священнодействие придорожное (propter viam) – речь идет, возможно, о жертвоприношении ларам, покровительствующим путешественникам (Lares viales).
- Сенат – совет старейшин в Риме; фактически осуществлял руководство государством.
- Сестерций – бронзовая (или латунная) римская монета.
- Стоики – сторонники философской школы (Стои), которая настаивала на ведении высоконравственной и добродетельной жизни.
- Талант – самая крупная единица денежного измерения (не монета!) в Греции; денежная сумма в 6 тысяч драхм (серебряных монет).
- Тога – мужская верхняя накидка из белой шерсти.
- Фалернское – лучший сорт итальянских вин из Кампании.
- Фесценнины – шутливые стихи, возникшие из обычая шуточных народных песен местечка Фесценния в Этрурии.
- Форум – площадь города как центр политической и культурной жизни, в частности, Римский форум; форум Августа примыкал к Римскому форуму.
- Цевница – дудка, свирель.
- Цензор – римское должностное лицо, проводившее ценз и ревизию списков всадников и сенаторов и следившее за нравственным обликом граждан.
- Эбен – черное дерево.
- Эбур – слоновая кость и изделия из нее.
- Эдил – должностное лицо, наблюдающее за городским хозяйством.
- Эпикурейцы – последователи философа Эпикура (IV – III вв. до н. э.), который видел цель жизни в удовольствии и в удовлетворенном (спокойном) состоянии духа.

SATURNALIA. BOOK II

Macrobius

The translation on Russian, notes and indexes by Prof. V. T. Zvirevich.